

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Sprachen in Europa. Sprachsituation und Sprachpolitik in europäischen Ländern. Hrsgb. von I. Ohnheiser, M. Kienpointner und H. Kalb. (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Bd. 30). – Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1999, XI, 516 S.

Лингвистическая структура Европы систематически исследуется, начиная с классических трудов А. Мейе, А. Доза, Д. Дечи [Meillet 1918; Dauzat 1953; Décsy 1973], см. также [Hérard 1968]. Ныне эта проблематика особенно актуализируется в связи с процессом создания так называемой Объединенной Европы и обострением вопроса о роли в ней языков (ср. также [Loehr 1997; Arntz 1998; Mattusch 1999] и др.). На первый план выдвигается изучение, с одной стороны, проблемы языков межэтнического (resp. межгосударственного) общения, с другой, многих волнует судьба европейских языков, которые по объективным критериям не выходят за пределы своего внутриэтнического использования. В этой связи обостряется и проблема языков малых этнических групп Европы, которых в общей сложности насчитывается в ней несколько десятков. Рецензируемая книга как раз и посвящена вопросам языковой ситуации и языковой политики, проводимой современными европейскими странами. Этому аспекту отведено пять разделов (с. 11–391), к которым примыкают еще четыре небольших (с. 383–489), касающихся некоторых общих вопросов коммуникации. Имеется в книге и приложение (с. 491–511), о котором мы скажем ниже. Это коллективная монография, создателями которой являются в основном австрийские языковеды и прежде всего специалисты различных филологических институтов Иннсбрукского университета. Текст книги на немецком языке, за исключением одной, носящей информативный характер, заметки на французском языке.

Книгу предваряет статья М. Кинпойнтнера "Языки мира – языки Европы: цифры и факты" (с. 1–10), в которой, опираясь на данные других исследователей, автор делает

статистический обзор языков мира (их насчитывается, по разным данным, от 4000 до 6700), особо останавливается на крупных языках, из которых, например, английский родным считают 322 млн. чел., а всего в мире им пользуются 800 млн.; русский родным является для 170 млн. (в действительности, по данным последней переписи населения СССР 1989 г., их было около 145 млн.), при этом по числу переводов (данные на 1987 г.) он стоит на третьем месте после английского и французского. Автор дает далее беглую характеристику особенностей европейских языков и обзор новейшей литературы о них. Коснувшись языковых семей старого континента, он так и не дал полной их картины, в том числе и не отметил наличие в Европе малых славянских языков, или микроязыков, которые, как и ряд кельтских, романских и других, стоят перед угрозой исчезновения (см., например [Дуличенко 1981]).

В разделе "Языки внутри и вокруг Австрии" (с. 11–102) выделяются работы Х. Мозера о немецком как полицентрическом языке и Х. Гёбла о языковой ситуации в габсбургской (по-другому, дунайской) монархии. Х. Мозер, в частности, анализирует языковую вертикаль Австрии – соотношение стандартного (Standardsprache), повседневного языка (Umgangssprache), интердиалекта (Verkehrsdialekt) и основного, или родного, диалекта (Basisdialekt): на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях выделяет характерные австрицизмы в их отношении к особенностям немецкого Германии, Швейцарии и склоняется к концепции полицентризма (Plurizentrismus), т.е. отражения в грамматиках и словарях специфичных для каждой немецкоязычной страны черт. К статье

прилагается текст составленного под его руководством проекта "Словарь национальных и региональных вариантов немецкого стандартного языка". В статье Х. Гёбла дан подробный обзор истории языкового вопроса в габсбургской монархии. Языковую политику Габсбургов автор характеризует как достаточно либеральную, о чем свидетельствует, по его мнению, тот факт, что немецкий язык официально не был узаконен в качестве государственного, а другие языки с середины XIX в. имели возможность для свободного развития (например, с 1849 г. на 10 языках империи выходила юридическая газета-бюллетень, развивалось на них образование и т.д.). Статью завершают схемы и таблицы, показывающие процентное соотношение этносов в монархии на 1910 г., преподавание языков в национальных школах на 1849 г. и др., а также политико-административная и этнографическая карты Австро-Венгерской монархии. Этой статьей издатели книги хотели, вероятно, подчеркнуть важность учета прошлого для современной Австрии и прилегающих к ней стран. З.Д. Фелькль пишет о южно-славянских меньшинствах Австрии, в частности, о каринтийских и штирийских словенцах, а также о градищанских (или бургенландских) хорватах, проживающих в земле Бургенланд. На удивление, в списке использованной автором литературы не содержится, по сути, ни одной работы на других, кроме немецкого, языках. К тому же утверждение автора о том, что градищанские хорваты имеют лишь один словарь, немецко-градищанскохорватско-хорватский 1982 г. издания, не соответствует действительности: в 1991 г. практически тот же коллектив лексикографов выпустил большой по объему (842 с.) градищанскохорватско-хорватско-немецкий словарь [GHNR 1991]. М. Илиску пишет о немецком влиянии на румынский, К. Вёбкинд дает синтезированную характеристику венгерского языка, а Р. Шрабек рассматривает современную ситуацию с чешским языком, акцентируя основное внимание на социальном и территориальном его расслоении.

Весьма интересен небольшой раздел "Языки и диалекты в европейском регионе Тироль" (с. 103–143), в котором приводятся редкий материал, касающийся архаичных диалектов и языков романского и германского происхождения. Г.А. Планг знакомит с романскими диалектами Тироля (так называемыми западнороманским, доломитоладинским и др.), Х. Зиллер-Рунгалдир подробно характеризует ситуацию с ладинским (ретороманским), а Б. Штефан затраги-

вает цимбрский языковой остров в верхней Италии. Цимбрский – это угасающий язык германского происхождения, которым владеют сегодня немногим более ста человек. Автор дает краткую характеристику этого микроязыка: старейшие памятники на нем появляются уже в 1500 г., а первая грамматика – в XVIII в. Ныне этот уникальный язык переживает возрождение: на нем издаются книги и выпускают журнал "Identità", из которого приводятся образцы текстов (с. 138–139).

Характеристика языков Европы представлена и в следующем разделе, названном «Известные языковые группы – "неизвестные" языки» (с. 145–264). Немецкий языковед Р. Эккерт пишет о балтийских литовском и латышском языках, характеризует их структуру и касаясь некоторых социолингвистических аспектов. Небезынтересно здесь было бы также напомнить читателю о попытках, начиная с 80-х гг. XX в., возродить прусский язык изданием нормативных грамматик, организацией обществ и под. (см., например, грамматики Л. Палматиса: [Kluis 1989; Клоссе 1990: 72–116], а также издаваемый им бюллетень "Prūsas tautas prėigara") – ведь это тоже компонент (хотя и весьма специфический), который ныне переживает балтийский языковой ареал. А. Фидермутц дает синтезированный очерк идиш (этапы развития, диалектное членение, начало письменности и литературного языка, современное положение в Израиле и некоторых других странах). По мнению исследовательницы, идиш «пока еще не мертвый, но все же "вымирающий" язык» (с. 170). М.Ф. Хайншинк касается вопроса о цыганском, возводя в ранг отдельного языка диалект синти (статья так и называется: "Языки синти и рома", с. 177–190). Здесь следует отметить, что в Австрии в настоящее время наблюдается возрождение цыганской культуры и языка. Так, в Вене выходит журнал "Romano Centro", в котором тексты печатают по-немецки и на основе диалекта калдераш; один раз в месяц ведутся по-цыгански радиопередачи и т.д. Разработан проект кодификации цыганского литературного языка Австрии. Лингвистическая "загадка" Европы – баскский язык, на котором ныне говорит от 600 тыс. до 700 тыс. человек в основном в Испании, получил в монографии последовательное лингвистическое и социолингвистическое описание. Достаточно подробно и интересно изложена ситуация с современными кельтскими языками. Один из соавторов очерка, В. Майд, излагает историю развития кельтских языков, в то

время как У. Ройдер приводит любопытные факты социолингвистического характера, касающиеся новокельтских языков. Например, ирландский так или иначе провозглашают своим "родным" около 800 тыс. человек, из которых примерно 120 тыс. могут на нем говорить. В Шотландии на шотландско-гэльском (Schottisch-Gälisch) говорит около 80 тыс. человек. Близкий к ирландскому язык мэн (на острове Мэн – Man) еще звучал во второй половине XX в., однако последний представитель этого языка умер в 1974 г. Есть немало энтузиастов, которые хотят возродить его, как и прусский. Из всех новокельтских языков кимрский Уэлса считается наиболее "живучим" (lebenskräftigste Sprache), на нем говорят полмиллиона человек, он пытается занять прочные социолингвистические позиции. В 30-е гг. XX в. умерла последняя представительница корнуэльского языка (имевшего распространение в Корнуэлле). Как и в случае с мэнским, ныне около одной тысячи человек стремятся говорить по-корнуэльски. Бретонским (на северо-западе Франции, полуостров Бретань) пользуются, по разным оценкам, от 50 тыс. до 100 тыс. человек. Примечательно, что и здесь делается немало для того, чтобы этот микроязык как можно дольше сохранялся в употреблении. Как подчеркивают авторы, носители всех этих микроязыков являются полными билингвами. Среди языков Скандинавии традиционно выделяются континентальные шведский, норвежский, датский и островные исландский (пользуется около 250 тыс. человек) и фарерский (около 50 тыс. человек), которые получают в статье (автор Р. Райдингер) суммарную характеристику. Непонятно только, почему такие разные языки, как, с одной стороны, саамский и финский, с другой – язык немецкого меньшинства в южной Дании, обозначены как "несеверогерманские языки Скандинавии" (с. 263).

Совершенно естественно в исследованиях подобного направления видеть материал, затрагивающий вопросы языковых контактов, лингвистического законотворчества, а также такую "горячую" социолингвистическую проблему, как языковые конфликты. Последние связываются в данном труде с бывшей Югославией (автор З.Д. Фёлькль) и прежде всего с проблемой сербскохорватского языка. Напомнив об исторических корнях языкового единства сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев, автор замечает, что к концу 80-х гг. XX в. дивергентные тенденции здесь стали на-

столько очевидными, что боснийские языковеды предложили полицентрическую модель сербскохорватского литературного языка в виде четырех вариантов – сербского, хорватского, боснийского и черногорского. После развала Югославии стали, опираясь на социолингвистические критерии, говорить о сербском, хорватском и боснийском как об отдельных языках, причем если сербский мало изменился со времени "отделения" от хорватского, то последний изобилует различными лексическими новшествами, отражающими пуристические настроения в хорватском обществе и стремление как можно дальше отойти от общей с сербским основы. Нам кажется, что, говоря о конфликтной ситуации, связанной с сербскохорватским языком, нужно было бы коснуться и проблемы так называемого черногорского языка (см., например, публикации В. Никчевича [Nikčević 1993; 1997] и др.; проблематика расслоения сербскохорватского литературного языка рассматривается, например, в монографии [Okuka 1998]). П. Бразельманн излагает принципы языковой политики современной Франции, где приняты уже два лингвистических закона (1975 и 1994 гг.), в соответствии с которыми "объявлена война" англо-американизмам. В частности, в этой стране запрещено примерно три тысячи англо-американизмов, использующихся в 19 областях науки и производства (именно такие элементы составляют основу языкового гибрида, получившего название *franglais* "франкоанглийский язык"). Исследовательница считает, что такие "антиевропейские движения" не способствуют формированию "Европы без границ". В статье о языковой политике современной Испании (П. Бразельманн и Б. Хингер) затронуты некоторые аспекты региональных языков (баскский, каталонский, галисийский), а также английского языка в этой стране. Как и во Франции, в Испании развивается гибридная языковая форма – *espanglis* "испаноанглийский язык", однако испанцы, в отличие от французов, не выносят борьбу с этим гибридом на государственный уровень. П. Анрайтер рассматривает давнюю проблему балканского языкового союза (дается характеристика языков, входящих в него, приводятся основные фонетические и грамматические балканизмы и под.).

Последний раздел книги, непосредственно связанный с анализом языковых ситуаций и языковой политики в Европе, называется "Языки (международного) общения – плановые языки" (с. 335–391). Здесь затронуты

три вопроса: английский в мире (М. Маркус), русский как "второй родной" (И. Онхайзер) и плановые (= международные искусственные) языки (Х. Эльберг). Интенсивная англо-американизация всех сфер жизни Европы выдвинула острейшую проблему – отношение к английскому языку. Характерным для современной Европы является то, что этот язык выполняет роль *lingua franca* не только в области политики, экономики, науки, технологии, т.е. в специальных сферах, направленных на международное сотрудничество, но и быстро распространяется в тех областях, где в этом, казалось бы, нет особой необходимости. Речь идет об организации англоязычных каналов телевидения, радио в таких странах, как скандинавские, Австрия и других, не говоря уже о практике преподавания на английском языке всех или части предметов уже в начальной школе. В числе причин, способствующих распространению английского языка в Европе, автор называет аналитизм его грамматической системы (хотя и не считает английский легким языком), а также генетически смешанный его характер ("das Englische ist ein Bastard, ein Mischling", с. 347), что помогает носителям многих европейских языков находить в нем что-то близкое, похожее, знакомое. Формируется, по сути, "евроанглийский язык" (Euro-Englisch), характеризующийся, с одной стороны, отсутствием типичных для Британии диалектизмов, сленга и проч., с другой стороны, упрощенной формой, называемой *basic English*. Здесь следовало бы вспомнить о том, что в интерлингвистике давно и активно ведутся разработки по созданию проекта "базового английского" – *Basic English* (см., например [Дуличенко 1990: 252–254]; там же и литература вопроса). В этой связи сравнение предложенных лингвоконструктов типа *Basic English* со стихийно формирующимся упрощенным английским *basic English* имело бы серьезное теоретическое значение. (Кстати, заключительная часть статьи М. Маркуса, названная "Английский в Австрии сегодня" в действительности Австрии не касается!). И. Онхайзер поднимает уже подзабытую "теорию" русского языка как "второго родного", активно внедрявшуюся в практику последних полутора-двух десятков лет существования Советского Союза. Автор показывает, что эта "теория" как нежизненная была отброшена во времена "перестройки", когда широко и открыто стали обсуждать вопросы национальной и языковой политики и, в частности, вопрос о месте и роли русского

языка в новых условиях. Ныне, несмотря на упрочение позиций национальных языков в республиках бывшего Союза, русский язык в них, по мнению исследовательницы, во многих отношениях остается «главным посредником между "западной" культурой и федерацией, или Союзом Независимых Государств (средства информации, ТВ, переводы) независимо от того, какую культурно-политическую ориентацию они избрали (как в отдельных среднеазиатских государствах)» (с. 365). Обращается и внимание на изменения в русском языке последнего времени, в том числе и на опасность чрезмерной "интернационализации словаря" и формирования гибрида, который получил название *русангл* (подробнее о нем см. [Дуличенко 1994: 315 и далее]). Статья сопровождается рядом приложений, среди которых таблица языков народов СССР, опирающаяся на перепись 1979 г. (на основании немецкоязычного источника: *Landeskunde der UdSSR*. Leipzig, 1987), а не на последнюю перепись Советского Союза 1989 г. В целом анализ социолингвистических позиций русского языка проведен с большим знанием дела и представляет интерес не только для западного читателя.

Показательно, что в современной европейской лингвистике значение, по крайней мере теоретическое, придается и таким средствам международного общения, как плановые языки. Х. Эльберг рассматривает их возможности в контексте сложившейся уже истории лингвопроектирования, или лингвоконструирования, т.е. процесса создания международных искусственных языков, и современной языковой ситуации Европы (и мира). По последним данным (правда, противоречивым), эсперанто, например, пользуются от одного до нескольких миллионов человек, главным образом при непосредственных контактах, в переписке и в передаче культурной, научной и прочей информации (периодика, специальные издания, радио, Интернет и под.). При этом автор полагает, что международные искусственные языки "естественной структуры" (*naturalistischer Bau*), как, например, окцидентальинтерлингве или интерлингва, имеют перспективу регионального, например европейского, распространения, так как построены преимущественно на латино-романском языковом материале, в то время как языки типа эсперанто, называемые схематическими (их грамматика сильнее абстрагирована от романской и германской) могут претендовать на более широкое международное использование.

Как мы уже отметили выше, последние четыре раздела книги (некоторые из них состоят всего из одной статьи) непосредственно не отражают вопросы языковой ситуации и политики, однако они связаны с ними. Речь идет о понимании проблемы языкового посредничества (Sprachmittlung), о создании базы данных посредством терминологии, о важности исследования специальных языков, а также проблем устной коммуникации и о перспективах изучения способов овладения языком. К книге приложены ценные документы: "Решение Совета Европы от 21 ноября 1996 г. о принятии многолетней программы поощрения языкового многообразия сообщества в информационном плане" (с. 494–503), а также принятая в 1998 г. Венская декларация "Основные положения о разнообразии культур и этносов" (с. 505–507).

Без сомнения, рецензируемая книга дает много нового в плане осмысления языковой ситуации и тенденций развития языковой политики Европы. В ней представлен большой фактический материал, на основе которого вырисовывается лингвистическая картина Европы конца XX столетия. Свежим моментом является помещение в конце каждой статьи адресов Интернет, по которым читатель, заинтересованный в той или иной проблематике, может получить дальнейшие сведения – от материалов по мировым языкам до материалов по малым языкам, или микроязыкам, Европы и компьютерной обработки языковых данных. По каждой затронутой проблеме приводится наиболее важная новейшая литература. И хотя авторы сознательно ориентируются прежде всего на западного читателя, достойно все же сожаления, что почти не используется соответствующая литература на русском и других славянских языках (исключения редки – статья П. Онхайзер). Жаль, что статьи и очерки не сопровождаются синопсисом – это облегчило бы чтение такого объемного труда. Именуются в книге и некоторые противоречия, которые из-за большого разнообразия проблематики редакторам полностью устранить не удалось. Так, вызывает удивление несоответствие статистических данных о крупнейшей десятке языков мира в статьях М. Кинпойнтнера (с. 2) и М. Маркуса (с. 342), ср. соответственно в миллионах: китайский 885 + 77 – 1 млрд., английский 323–350, испанский 266–250, бенгали 189–150, хинди 182–200, португальский 170–135, русский 170–150, японский 125–120 и немецкий 98–100. Правда, авторы опираются на разные источники: первый на американское издание "Этнолог. Языки мира" [Crimes,

ed. 1996], второй – на "Кембриджскую энциклопедию языка" Д. Кристалла [Crystal 1987]. Однако помещенные в одном труде, эти разночтения нужно было бы как-то оговорить и тем самым предупредить читателя. Ряд частных замечаний нами сделан по ходу анализа текста книги (см. выше). В целом мы получили весьма богатый и полезный комpendium о лингвистической структуре современной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дуличенко А.Д.* 1981 – Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). Таллин, 1981.
- Дуличенко А.Д.* 1990 – Международные вспомогательные языки. Таллинн. 1990.
- Дуличенко А.Д.* 1994 – Русский язык конца XX столетия // Slavistische Beiträge. Bd. 317. München, 1994.
- Клаоссе М.* 1990 – Новопрусский язык: "Толькемита" и "Пруса" // Interlinguistica Tartuens. VII. Tartu, 1990.
- Arntz R.* 1998 – Das vielsprachige Europa. Hildesheim, 1998.
- Crystal D.* 1987 – The Cambridge encyclopedia of languages. Cambridge, 1987.
- Dauzat A.* 1953 – L'Europe linguistique. Paris, 1953.
- Décasy Gy.* 1973 – Die linguistische Struktur Europas. Vergangenheit. Gegenwart. Zukunft. Wiesbaden, 1973.
- Hérard G.* 1968 – Peuples et langues d'Europe. Paris, 1968.
- GHHNR1991 – Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik. Zagreb; Eisenstadt, 1991.
- Grimes B., ed.* 1996 – Ethnologue. Languages of the world. Dallas, 1996.
- Kluisis M.* 1989 – Naujosios prūsų kalbos gramatika. Vilnius, 1989.
- Loehr K.* 1997 – Mehrsprachigkeitsprobleme in der Europäischen Union. Frankfurt-am-Main, 1997.
- Mattusch M. H.-J.* 1999 – Vielsprachigkeit. Fluch oder Segen die Menschheit? Zu Fragen einer europäischen und globalen Fremdsprachenpolitik. Frankfurt-am-Main, 1999.
- Meille A.* 1918 – Les langues dans l'Europe nouvelle. Paris, 1918.
- Nikčević V.* 1993 – Piši kao što zboriš. Podgorica, 1993.
- Nikčević V.* 1997 – Crnogorski pravopis. Cetinje, 1997.
- Okuka M.* 1998 – Eine Sprache viele Erben. Sprachpolitik als Nationalisierungsinstrument in Ex-Jugoslawien // Österreichisch-bosnische Beziehungen. Bd. 4. Klagenfurt etc., 1998.

А.Д. Дуличенко